

Е. А. Лапина

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ УЧИТЕЛЕЙ И УЧАЩИХСЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В КУРГАНЕ

*Работа представлена кафедрой отечественной истории и документоведения
Курганского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. В. Менициков

В статье на основе материалов Государственного архива Курганской области рассматриваются условия жизни учителей и учеников школ г. Кургана в XIX в. Анализируются материальный и моральный аспекты. Показана динамика их изменений.

Ключевые слова: *школьное образование, XIX в., материальные условия жизни, моральная атмосфера.*

Е. Lapina

FEATURES OF THE EVERYDAY LIFE OF TEACHERS AND SCHOOLCHILDREN IN KURGAN IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The author of the paper discusses the living conditions of teachers and schoolchildren in Kurgan during the 19th century basing on the materials of the State Archive of the Kurgan region. The material and moral aspects are considered. Their time history is shown.

Key words: *school education, 19th century, economic conditions, moral atmosphere.*

Повседневная жизнь учителей и учащихся складывается из многих компонентов, и охватить их в одной статье невозможно. Можно выделить такие моменты, как материальный уровень и характер труда учителей, стиль воспитательной работы и моральная атмосфера.

Стиль жизни и социальный статус учителя. Рабочий день и в целом условия жизни и работы учителя могли сильно различаться в зависимости от ведомственной принадлежности школы: церковно-приходская или по линии Министерства образования. По уровню образования отличались школы грамотности, двухлетние училища, а кроме того, были уездные училища.

Анализ архивных материалов показывает, что материальное положение учителя позволяло ему не испытывать финансовых трудностей, хотя отнести его к особенно зажиточному слою населения тоже нельзя. В середине XIX в. заработная плата учителей со-

ставляла несколько сот рублей в год и периодически повышалась. Так, в 1859 г. было повышено жалование учителям Кургана. Смотритель стал получать 441 руб. серебром вместо 280 руб. 20 коп., законоучитель и учитель искусства – 200 руб. серебром вместо 142 руб. 35 коп, учителя других дисциплин – 343 руб. серебром вместо 214 руб. 43 коп. [4, л. 50]. Много это или мало? Цены в Кургане в то время были следующие: корова стоит 15–25 руб. ассигнациями; курица – 30–40 коп.; сапоги 4–7 руб.; сукна крашеного аршин – 55–56 коп.; стол – 3–4 руб.; стул – 2 руб. 50 коп. – 3 руб. 50 коп.; сундук окованный – 11–13 руб.; сковорода – 70–80 коп.; блюдо оловянное – 1 руб. 60 коп. – 2 руб.; спирту ведро – 16 руб.; вина хлебного (т. е. водки) ведро – 8 руб. [11, л. 61]. Если говорить о ценах на одежду, то куртка стоила 4 руб. 33 коп, рубашка холщовая – 1 руб. 75 коп., полусапоги, пара – 3 руб. 37 коп., рукавицы кожаные – 1 руб. 75 коп., полушубок овчинный – 11 руб. 65 коп., по-

лушубки овчинные, крытые крестьянским сукном – 18 руб. 50 коп. [12, л. 17]. Можно отметить, что эти цены на основные товары имели пропорцию, близкую к современной, в масштабе, примерно, 1 к 1000. Это позволяет судить о том, какие возможности давал учительский заработок в 200–350 руб. в год. Но цены на стройматериалы и, следовательно, жилье, были относительно низкими. Например, в 1841 г. декабрист И. Ф. Фохт купил флигель у мещанина Пельшева за 500 руб. ассигнациями [13, л. 80]. Но это – дом, полностью отделанный и пригодный для длительного проживания. А временные строения стоили намного дешевле. Так, при проведении ярмарок строились «балаганы», т. е. временные лавки, причем это были достаточно основательные строения из бревен. Так вот, в 1840 г. на материал для строительства 80 балаганов было потрачено 32 руб. [11, л. 4]. Воз дров тогда стоил 25–30 коп. [8, л. 197–201].

В городе существовало что-то вроде публичной библиотеки. Городская управа выписывала газеты и журналы, предоставляя их желающим за абонементную плату 5 руб. в год или 50 коп. в месяц [17].

О том, что учительский заработок был достаточным для приличной жизни, можно судить по такому факту. У городских учителей считалось хорошим тоном, чтобы к определенному времени к дому подъезжал извозчик и отвозил учителя от крыльца дома к крыльцу школы [10]. Учítывая, что Курган был тогда небольшим городом (в 1859 г. в нем числилось 664 дома, в которых проживало 3552 человека [18]), расположенным компактно (это и сейчас хорошо заметно), а школа находилась в центре, то ясно, что и без извозчика можно было добраться до работы за 10–15 минут. Однако, видимо, и деньги позволяли, и статус этого требовал.

Интересно сравнить материальное положение различных представителей учительства и представителей других профессий. Как видно из приведенных выше данных, меньше всех получали учителя искусства и законоучители (т. е. преподаватели закона божьего), остальные учителя – намного больше (примерно на 75%), смотритель (т. е. ру-

ководитель) школы получал еще примерно на 25% больше. Любопытно, что закон божий тогда был обязательным предметом и преподавался в больших количествах. Но зарплата законоучителя была на уровне, так сказать вспомогательного, учителя искусства.

Сравнение заработка учителя позволяет определить его место в структуре общества по этому признаку. Курганский городничий получал тогда жалование в размере 450 руб. в год [6, п. 6]. Работнику, нанимаемому в услужение, платили 12 руб. серебром в год. Чернорабочему за день платили 50–70 коп. Столяр за день зарабатывал 2–3 руб. Печнику за кладку одной печи платили 10–25 руб.; т. е. приблизительно 5 руб. в день [14, л. 788]. Если считать примерно 300 рабочих дней в году, то получается 180 руб. в год у чернорабочего, 700–800 – у столяра, 1500 – у печника. Хотя, конечно, печник имел работу не каждый день, и столяр, вероятно, тоже. Тем не менее видно, что квалифицированные рабочие получали больше чем не только учитель, но и, например, городничий. Это была не только курганская, но и общероссийская ситуация. Можно вспомнить рабочего из «Кому на Руси жить хорошо», говорившего, что «случалось наколачивать в день по пять серебром». Разумеется, рабочий день учителя был намного короче, летом был продолжительный отпуск, заработок гарантирован.

В связи со всеми приведенными выше данными следует отметить, что сравнения возможны еще и потому, что экономическая ситуация в то время была чрезвычайно стабильной. Так, на отрезке более 40 лет – с 1799 г. по 1842 – цена на муку – базовый продукт питания в то время – оставалась неизменной и составляла 35–40 коп. серебром за пуд пшеничной и 15–17 за пуд ржаной в течение всего этого периода [13; 10, л. 197–201].

Однако не только сведения о доходах позволяют нам судить о месте учителя в тогдашнем обществе. Учителя относились к благородному сословию. Так «4–5 февраля 1844-го по просьбе господ учителей и всего благородного курганского общества два дня подряд в помещении уездного училища был

устроен театр. Вход имели только благородные лица» [4, п. 45]. Можно отметить, что тогдашние курганские «благородные лица» жили неплохо не только в материальном отношении. В 1841 г. А. Ф. Бригген в своем письме отмечал: «Курганское светское общество внешне выглядит прилично, не пренебрегает культом моды, одевается по журналам, костюмы очень элегантны, танцуют французские кадрили» [1, с. 140].

Надо отметить, что материальное положение учителя казенной (т. е. Министерства народного просвещения) школы разительно отличалось от положения его коллеги, работающего в церковно-приходской школе; соответственно, отличался и социальный статус. Священники РПЦ, преподававшие в церковно-приходской школе, получали жалование по церковному ведомству, и это составляло 200 руб. в год, т. е. сравнимо с тем, что получали учителя в училище Министерства просвещения [8, л. 39]. В то же время, по данным этого же источника, светский учитель, преподававший в той же ЦППШ, получал 50 руб. в год, т. е. в 5–6 раз меньше своего «казенного» коллеги, причем эти деньги шли не из церковного ведомства, а из городской казны. Из приведенных выше цифр ясно, что этих денег, безусловно, не хватало. Описывается даже случай, когда молодой учительнице, направленной после окончания гимназии в Челябинске в церковно-приходскую школу, заведовавший школой священник сказал, что «жалование мизерное и на него не прожить». Из добрых побуждений он взялся собирать с поселян подношения (продуктами) в пользу вновь прибывшей. Девушка протестовала против «милостыни» и в конце концов однажды ночью сбежала. Интересно, что сбежала обратно в Челябинск, откуда ее прислали. Тогда ее направили в казенную школу, где была другая ситуация: и жалование приемлемое, и нормальное обеспечение учебными пособиями, а самое для нее главное – более глубокая учебная программа [15, с. 7–17].

Подход к воспитательной работе. Моральная атмосфера. Одним из важнейших аспектов образовательного процесса всегда являлось воспитание, независимо от того,

ставился ли этот вопрос явным образом. Подход к этой проблеме обычно достаточно ярко характеризует соответствующее общество. Изменения, происшедшие в Российском обществе в XIX в., вполне отчетливо проявились в данном вопросе.

В течение XIX в. акценты в воспитании заметно смещались и в соответствии с этим изменялись методы.

В начале основной упор делался на наказании, т. е. по принципу «Кнутом, а не пряником». Основным «инструментом» являлись розги. Вот несколько, так сказать, формулировок, которые приводит У. И. Поставалова: «Розга разум во главу детям вгоняет, учит молитве и злых всех встягает». «...Розга убо всяким добротам научает, Розга и злых детей в преблагия претворяет». «Малым детям Розга черемуховая двоюлетняя, светным же березовая к воумлению». Достаточно интересно: слово «розга» во всех приведенных цитатах написано с большой буквы.

Другим распространенным приемом было ставить на колени на горох. Детей благородного сословия публично не секли розгами, а наказывали иначе. Девочек били линейкой по рукам. Это было менее унижительно, чем порка, но не менее больно и даже травмоопасно. Мальчиков наказывали карцером, куда сажали на хлеб и воду. А другой распространенный метод наказания состоял в том, что ученика заставляли стоять с вытянутыми руками длительное время [15, с. 7–17].

Понятно, такими методами можно было заставить ребенка учиться, т. е. приобрести некоторую сумму знаний. Однако в нравственном плане последствия такого подхода были самые негативные. У детей воспитывалась ненависть к учителям и к самой учебе, и в целом это сказывалось на их моральном облике. Эту мысль выразила героиня из «Детства» Л. Н. Толстого, которая узнав, что ее знакомая бьет своих детей, сказала: «Как можно после этого требовать от них благородства».

Вполне очевидно, что тот, кто не воспитывает в своих учениках благородства, и сам этим качеством не отличается. На этот счет имеется много свидетельств.

В течение всей первой половины XIX в. очень часты жалобы на то, что учителя без уважительных причин пропускают занятия, приходят в класс в нетрезвом состоянии и проявляют в своих выражениях несдержанность.

Или такой пример. В 1820 г. первый смотритель Курганского училища, будучи в гостях у местного стряпчего, проиграл в карты школьные деньги и после этого утопился в колодце [8, л. 39].

В характеристике на учителя Лукина в 1834 г. говорилось, что он «нередко во время занятий употреблял бранные слова».

Посетивший в 1830 г. Курганское училище директор Тобольской гимназии И. П. Менделеев (отец великого русского ученого Д. И. Менделеева), стремясь как-то ограничить произвол учителей, приказал им не подвергать учеников физическому наказанию без согласия на это смотрителя училища, другими словами, не применять кулачной расправы на месте, самосуда. Но эта полумера не достигла своей цели. По-прежнему за малейшую провинность учащихся жестоко избивали. И только один раз за всю историю училища, после особенно жестокого избиения в 1845 г. ученика Ивана Михайлова, учитель Ануфриев был уволен [15].

Однако требования к уровню знаний и умений росли, и прежние методы не давали требуемого уровня мотивации; требовалось использование поощрения, т. е. теперь нужнее был скорее пряник, чем кнут.

Так, в 1887 г. по результатам проверок знаний (проводившихся регулярно) ученики, удачно прошедшие проверку, поощрялись награждением: похвальными листами, им дарили книги, «с похвалою прочитывали имена» [9, л. 23]. Можно отметить, что курганские учащиеся в ряде случаев показывали достаточно высокие результаты. Например: в 1887 г. в Екатеринбурге проводилась Уральско-Сибирская выставка ученических работ. «По результатам был направлен Курганскому уездному, мужскому училищу Почетный отзыв. По достоинствам работ, представленных на научно-промышленную выставку, мы получили за это награду, – писал смотритель училищ» [5, л. 1].

В воспитательном плане теперь важнейшим элементом является формирование у учащихся общей культуры поведения, уважение к окружающим и к себе, т. е. в этом отношении ситуация в конце XIX – начале XX в. радикально отличалась от того, что наблюдалось в первой половине XIX в.

Характерным является такой пример. По результатам проверки инспектора Курганского городского училища в 1903 г. было проведено заседание Педагогического совета, на котором обсуждались проблемы, бывшие в тот момент актуальными для училища. Вот краткое изложение основных из них.

Как преподавателю следует обращаться с учениками: на «вы» или на «ты»? Совет после обсуждения этого вопроса пришел к выводу, что, во-первых, этот вопрос имеет существенное значение. Далее, «принимал во внимание, что обращение на “вы” в жизни культурного и интеллектуального общества считается тоном приличия, благовоспитанностью, вежливостью и выражением уважения, а обращение на “ты” принято более в семейной жизни и между близкими знакомыми и друзьями, считается обращением более родственно-близким, в некоторых случаях жизни обращение на “ты”, бывает, служит доказательством невоспитанности». Совет признал, что, обращение к учащимся на «вы» является современным требованием жизни, оно доказывает вежливое и почтительное к учащимся отношение и внимание, что такое обращение будет развивать чувство вежливости, деликатности и уважение к приличию, что в воспитательном отношении оно воздействует на учащихся благотворно. Более того, говорилось даже, что это будет содействовать и искреннему сближению между учащимися и преподавателями. Насколько далеко мы ушли от ситуации, с которой семьдесятю годами раньше тщетно боролся Менделеев-старший.

Далее на том же заседании рассматривался вопрос об одежде, в которой учащиеся приходили на занятия. Например, было замечено, что в истекшем учебном году некоторые ученики посещали училище в одежде, совершенно не соответствующей образцу

установленной формы для учеников городского училища, а некоторые являлись на занятия в класс даже в рубашках красного цвета, и это было не по бедности учеников, а по небрежности. Внешнему виду, мы видим, также придавалось существенное значение именно в плане воспитания «благородных членов общества».

Один момент, характерный для Кургана как сибирского города, состоял в том, что «многие ученики посещали училище в пимах» (т. е. в валенках), что тоже признано неэстетичным, а для тех, кто по состоянию здоровья не мог ходить зимой в сапогах или по бедности их не имел, определялись способы выхода из положения.

Другая проблема из области воспитания, рассмотренная на этом заседании Совета, касалась учеников из других населенных пунктов, живущих на квартирах. Говорилось, что в ряде случаев ученики живут в условиях, не очень удобных для учебы, а то и в «среде с вредными направлениями». Члены Совета решили, что такие ученики должны находиться под контролем; в качестве способа в частности должны использоваться посещения учителями их мест проживания, и в необходимых случаях Совет будет напрямую вмешиваться и исправлять ситуацию. Из протокола ясно видно, насколько серьезно ставился этот вопрос.

Далее в том же направлении обсуждалась, в общем, вечная тема о поддержании дисциплины. В качестве «кнута» теперь рас-

сматриваются дисциплинарные взыскания вплоть до исключения, но основной упор делается на меры воспитательного и превентивного характера. Здесь упоминаются и приглашение родителей для обсуждения с ними проблем, связанных с поведением и прилежанием их детей, и воспитательная работа с самими родителями. Более того, совершенно явно проводится идея о том, что учителя и ученики – единый коллектив. Так, среди мер называются «совместная и дружная борьба членов Совета с дурными привычками, наклонностями и пороками учеников», «воспитательная беседа с учениками с целью нравственного воздействия на их развитие и беседы по вопросам учения и предметов жизни» [7, л. 39, 40].

Мы видим, насколько изменился даже сам характер обсуждаемых проблем, а тем более подходы к их решению. Причем речь ведь идет не об элитарном учебном заведении, а об уездном училище – даже не гимназии, причем в «глубинке». Таким образом, в течение XIX в. в вопросах воспитания учащихся произошло весьма существенное изменение социального заказа: стали требоваться люди, не только обладающие определенным запасом знаний и умений, но и интеллектуальные, культурные, способные правильно организовывать общение с окружающими. Воспитание высококультурного человека стало одной из приоритетных целей работы образовательной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бригген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986.
2. Васильев А. М. Забытый Курган. Курган: Изд-во «Зауралье», 1997.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 147. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.
4. ГАКО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАКО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 13.
6. ГАКО. Ф. 175. Ол. 1. Д. 16. Л. 6.
7. ГАКО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 25.
8. ГАКО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 5.
9. ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Ед. Хр. 6.
10. ГАКО. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАКО. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 3.
12. ГАКО. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 23.
13. ГАКО. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

ИСТОРИЯ

14. ГАКО. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 45.
16. Российский государственный исторический архив в Москве (РГИАМ). Ф. 109. Д. 61. Ч. 10. Л. 80.
15. *Постовалова У. И.* Очерки по истории народного образования Зауралья. Курган, 1995.
17. Сибирская газета. 1881. 1 марта.
18. Тобольские губернские ведомости. 1860. 9 апреля

REFERENCES

1. *Briggen A. F.* Pis'ma. Istoricheskiye sochineniya. Irkutsk, 1986.
2. *Vasil'yev A. M.* Zabyty Kurgan. Kurgan: Izd-vo «Zaural'ye», 1997.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti (GAKO). F. 147. Op. 1. D. 5. L. 45.
4. GAKO. F. 147. Op. 1. D. 5.
5. GAKO. F. 147. Op. 1. D. 13.
6. GAKO. F.175. Ol. 1. D. 16. L. 6.
7. GAKO. F. 147. Op. 1. D. 25.
8. GAKO. F. 201. Op. 1. D. 5. L. 39.
9. GAKO. F. 198. Op. 1. Ed. Khr. 6.
10. GAKO. F. i-8. Op. 1. D. 1.
11. GAKO. F. i-8. Op. 1. D. 3.
12. GAKO. F. i-8. Op. 1. D. 23.
13. GAKO. F. i-8. Op. 1. D. 29. L. 4.
14. GAKO. F. i-8. Op. 1. D. 45.
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv v Moskve (RGIAM). F. 109. D. 61. Ch. 10. L. 80.
15. *Postovalova U. I.* Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya Zaural'ya. Kurgan, 1995.
17. Sibirskaya gazeta. 1881. 1 marta.
18. Tobol'skiye gubernskiye vedomosti. 1860. 9 aprelja